

DOI 10.5862/JHSS.232.7
УДК 94(470)084.5

Н.В. Офицерова

ПРОМЫШЛЕННОЕ СООБЩЕСТВО И «ВОЕННАЯ ТРЕВОГА» 1927 ГОДА*

В статье проведен анализ внешнеполитических факторов, способствовавших переходу к политике форсированной индустриализации в СССР в конце 1920-х гг. На основе материалов периодической печати и информационных сводок ОГПУ рассмотрено, как формировалось отношение промышленного сообщества к международной политике Советского Союза. Проанализирована специфика публикаций, посвященных мировой политике и конструируемых образы врага и друга. Определены важнейшие противники СССР. Выделены такие черты политизации общества, как широкое распространение слухов, вызванных особенностями советской пропаганды, влияние внешней политики на поведение рабочих и служащих. Проанализированы группы интересов внутри промышленного сообщества по критерию отношения к «военной тревоге» 1927 г. Сделан вывод о достижении определенного индустриального консенсуса, который был необходим для начала реализации советского индустриального политического проекта.

ПРОМЫШЛЕННОЕ СООБЩЕСТВО; ВЛАСТЬ; «ВОЕННАЯ ТРЕВОГА» 1927 Г.; ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ КОНСЕНСУС; СОВЕТСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ; ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА; СЛУХИ.

Одним из масштабных политических проектов большевиков стала индустриализация как часть общей модернизации страны. На этапе подготовки к практической реализации этого проекта среди важнейших задач было достижение так называемого индустриального консенсуса для его легитимации. Чтобы решить эту задачу, необходимо было преодолеть сопротивление акторов (многочисленных групп интересов), подготовить массовое сознание, сформулировать и апробировать методы реализации проекта.

Промышленное сообщество являлось важнейшим актором индустриального проекта, старт которому был дан в 1920 г. планом ГОЭЛРО, разработанным Государственной комиссией по электрификации России. Под промышленным сообществом понимается крайне неоднородная совокупность работников – постоянных и временных рабочих, мастеров, ин-

женеров, членов администрации предприятий и трестов государственной промышленности РСФСР. Для всего периода нэпа характерна борьба сторонников разных вариантов индустриализации страны, которые корректировались под влиянием внутри- и внешнеполитической обстановки.

Одной из важных особенностей политической жизни 1920-х гг. в Советской России – СССР являлось присутствие «незримой угрозы» – постоянное ожидание войны, отмеченное многими исследователями этого периода. С точки зрения А.В. Голубева, это связано как с живой памятью о Первой мировой и Гражданской войнах, так и с воздействием советской пропаганды, постоянно муссировавшей данную тему. Любое событие на международной арене, как-то затрагивавшее СССР, воспринималось массовым сознанием как признак надвигающейся (а нередко – и начавшейся) войны [1, с. 42–43]. Наиболее серьезными считаются «военные тревоги» 1923 и 1927 гг.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что в 1920-х гг. не существовало угрозы для Советской России со стороны западных держав [См.: 2–5]. Восстановление после Пер-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00383а «Советский индустриальный политический проект: подготовка и начало реализации (1920–1932)».



вой мировой войны, преобладание пацифистских настроений населения обусловили в общем миролюбивую политику западных стран. Кроме того, Советская Россия – СССР не рассматривались как серьезный соперник.

Тем не менее характерной приметой 1920-х гг. было распространение слухов о войне. Слухи – это первичная устная информация, полученная по неофициальному, неформальному каналу. Ю.Ф. Смирнов на основе изучения информационных сводок Тульского губернского отдела ОГПУ выделяет два вида слухов, характерных для рабочих: слухи-мечты, выражавшие надежды и чаяния определенного социального слоя, и слухи-страхи, отражавшие его тревоги [6]. Слухи-мечты отражали политические взгляды оратора, уровень образования, степень воздействия на индивидуальное сознание советской пропаганды. Мечты и желания касались преимущественно послевоенного устройства страны и мира. Слухи-страхи воспроизводили информацию о технико-экономической отсталости России от европейских стран, которая, несомненно, повлияет на итоги будущей войны.

Слухи в заводском пространстве стали типичным признаком кризисного периода нэпа, общей политизации промышленной повседневности. Публикации о международных отношениях в обязательном порядке прорабатывались на партийных и комсомольских собраниях коллективов на предприятии, ставились первыми вопросами на общих собраниях и беспартийных конференциях. Международные отношения были темой для плакатов, а также лозунгов кампаний и демонстраций: «Делегации Советов в Генуе – наш наказ...», «Привет Пуанкаре», «Детям – угля!» (помощь семьям английских горняков во время всеобщей забастовки в Англии в 1926 г. – *Н. О.*), «Наш ответ Чемберлену» и др. Слухи о внешнеполитических событиях становились предметом не только официального, но и неофициального дискурса промышленного сообщества, темой повседневного общения. Наиболее ярко это проявилось во время «военной тревоги» 1927 г., связанной с разрывом дипломатических отношений с Великобританией.

В целом при изучении как центральной, так и местной прессы исследуемого периода можно констатировать наличие огромного объема ин-

формации о зарубежье, причем помещаемой, как правило, на первых полосах. Например, в одном из выпусков газеты «Комсомольская правда» (от 9 марта 1927 г.) помещены следующие статьи на международные темы: «Всеобщая забастовка текстильщиков в Польше», «Чемберлен упорно добивается образования единого фронта против СССР», «Успехи кантонцев в Аньхое», «Переговоры в Женеве», «Безработица и взаимопомощь» (письмо из Парижа), «Голодовка болгарских и венгерских заключенных», «После локаута (от нашего лондонского корреспондента)» и др. [7].

Информацию о внешнем мире в советской прессе можно условно разделить на две группы. Первая группа сообщений ставила основной целью формирование уверенности населения в «единении трудового народа всего мира», в разрастании борьбы с империализмом, которая в результате приведет к мировой социалистической революции /революциям в разных странах. Особое внимание при этом уделялось забастовкам и протестам рабочих за рубежом (германских рабочих в 1921–1923 гг., английских горнорабочих в 1926–1927 гг.).

Вторая группа публикаций довольно успешно конструировала образ внешнего врага, включавший правительства западных стран, буржуазные и социалистические («соглашательские») партии, русскую эмиграцию. Капиталистический мир предстал врагом, стремящимся уничтожить молодое Советское государство. Конфронтационный подход сложился не стихийно, он целенаправленно формировался всей системой советской пропаганды. Так, на специальных заседаниях еще в 1922 г. работники Наркомата иностранных дел рекомендовали редакторам и журналистам: «О Генуэзской конференции взять порицательно-выжидательный тон; ...о Финляндии отзываться благожелательно, подчеркнув роль Польши как ее злого гения; <...> показать скверную роль на Булонском совещании примирителей Ллойд Джорджа, Пуанкаре и Бенеша...» [8, л. 11–12]. В специальных рубриках центральных и местных газет, посвященных подготовке и открытию Генуэзской конференции, последовательно проводилась указанная линия. Усилия штатных пропагандистов оказывались не напрасны – стереотипное восприятие тех или иных стран преобладало в широких кругах населения.

Судя по газетным публикациям, главными противниками Советской России на протяжении 1920-х гг. выступали: Великобритания (скорее всего, основную роль здесь играла историческая память, воспоминания об английской интервенции в годы Гражданской войны, а также в целом недружественная политика по отношению к Советской стране и, впоследствии, разрыв англо-советских отношений); Польша (что связано с негативными результатами советско-польской войны 1920 г.); страны Малой Антанты – Чехословакия, Румыния, Югославия; Финляндия и другие страны Балтии, которые в большинстве случаев рассматривались как «пособники мирового империализма»; в отдельные периоды – Япония (например, в связи с поддержкой СССР китайской народно-демократической революции); США; очень редко – Франция (только в компании с Великобританией, в основном в начале 1920-х гг.).

Ухудшение англо-советских отношений началось в 1926 г. в связи с определенными раздражительными мероприятиями в англо-советских торговых отношениях и с финансовой помощью бастующим английским горнякам (кампания помощи горнякам и их семьям в 1926 г. под руководством советских профсоюзов). В 1927 г. энергичная поддержка, в том числе и военная, со стороны СССР китайского народно-освободительного движения вызвала протест английского правительства (нота О. Чемберлена от 23 февраля 1927 г.). 12 мая 1927 г. были совершены налеты на АРКОС (Всероссийское кооперативное акционерное общество, учрежденное в Лондоне. – *Н. О.*) и торговое представительство СССР, их сотрудники обвинялись в шпионаже [9; 10, с. 90–96].

Большинство историков показывают, что «военная тревога» 1927 г. была сознательно спровоцирована советским политическим руководством [9, 11]. Поводом к началу распространения слухов о надвигающейся войне стала речь В.М. Молотова на Московской партийной конференции в феврале 1927 г. Напомним, что до ноты О. Чемберлена оставалось несколько дней, а до официального опубликования обращения ЦК ВКП(б) – более трех месяцев.

Итак, под «военной тревогой» 1927 г. в современной историографии понимается острый внешнеполитический кризис, повлиявший на

резкое изменение внутренней политики Советского Союза. 27 мая 1927 г. британское правительство официально разорвало дипломатические и торговые отношения с СССР. В ответ было опубликовано обращение ЦК ВКП(б) «Ко всем организациям ВКП(б). Ко всем рабочим и крестьянам», где содержался призыв к готовности возможного отражения империалистической агрессии и подчеркивалось: «Война может быть нам навязана, несмотря на все наши усилия сохранить мир. К этому худшему случаю нужно готовиться всем трудящимся... Поднимать хозяйство, крепить транспорт и оборону» [4, с. 411; 12, с. 61].

Следует отметить, что в обобщающих информационных сводках ОГПУ по стране систематизированная информация о реакции представителей промышленного сообщества появляется только в мае 1927 г. (ср.: о панике в настроении крестьян сообщается уже в феврале 1927 г.) [13, 14]. Такая ситуация характеризует известный стереотип властного восприятия промышленного сообщества, точнее, его подавляющей части – рабочих как опоры власти. Однако описание поведения членов промышленного сообщества демонстрирует более сложную картину.

Пацифистские настроения, характерные для европейцев 1920-х гг., существовали и в советском промышленном сообществе. Как свидетельствуют информационные сводки ОГПУ, рабочие в основном стремились избежать войны [14]. Старые, квалифицированные рабочие, в большинстве своем прошедшие Первую мировую и Гражданскую войны, помнившие тяготы и лишения военных лет, высказывали некоторое, подчас сильное, опасение в отношении итогов грядущей войны и демонстрировали стремление решить проблемы мирными средствами. «России несдобровать, так как она очень отстала в техническом отношении», – считали рабочие московского Дорогомилловского завода; по мнению рабочих владимирской фабрики «Солидарность», «лучше отдать месячный заработок, но не допустить войны»; «Войны не хотим, но в нужный момент мы все как один должны встать на защиту СССР» [15, л. 2–3; 16, л. 63 об.]. Таким образом, с одной стороны, они демонстрировали стратегию политической лояльности в условиях сохранявшейся безработицы и участвовали в кампаниях



власти, направленных на мобилизацию населения, а с другой – стремились избежать войны.

Для рабочих в целом были более характерны слухи-страхи, усилившиеся на протяжении 1927 г. в связи с публикациями о налетах на АРКОС, советское посольство и консульства в Китае; убийством советского полпреда П.Л. Войкова в Польше и советского вице-консула А.И. Хассиса в Кантоне (Китай); проведением мобилизационных кампаний: «Неделя обороны» (июль 1927 г.), «Наш ответ Чемберлену»; активизацией работы ОСОАВИАХИМа. Слухи-мечты, связанные с будущим устройством мира и Советской республики, имели меньшее распространение.

Однако ряд рабочих демонстрировали особую поддержку власти. Такое поведение было характерно для большинства рабочих крупной и средней промышленности, которые одобрительно относились к внешней политике Советского государства, выказывали явную готовность защищать страну, порой критикуя советских лидеров за излишнюю мягкость. Отметим, что уже с началом сбора средств в фонд «Наш ответ Чемберлену» (для строительства новых самолетов. – *Н. О.*) в июне 1927 г. рабочие указывали на необходимость развития военной подготовки и повышения интенсивности труда («То, что раньше делали в 8 часов, будем делать в 6 часов»), активно участвовали в мероприятиях власти – кампании помощи китайской революции («Нужно помочь им материально, одной моральной помощи им мало, ведь помогали мы английским горнякам, надо помочь и китайским рабочим») [16, л. 64–64 об.].

Приведем наиболее характерные высказывания представителей этой группы, большинство из которых составляла рабочая молодежь. Например, рабочий-коммунист с омской суконной фабрики заявлял: «Долго ли мы будем церемониться и угощать бумажками? Дашь войну!», – что было встречено громкими аплодисментами общего собрания; «Нам войны бояться нечего, будет война – скорее будет и мировая революция», «Заснаются англичане, уж больно хорошо ответили им нашей нотой», – говорили молодые рабочие с фабрики «Зарядь» Иваново-Вознесенской губернии [15, л. 2; 16, л. 64 об.; 17, л. 15]. Рабочая молодежь нередко стремилась к участию в героических событиях. Стремление «оставить свой след в истории» ха-

рактерно для ювенальной психологии, и комсомольцы не стали исключением. Нами были обнаружены несколько писем в Коминтерн от молодых рабочих во время «военной тревоги». Приведем одно из них полностью: «Я, Сергей Мешков, коммунист с 1922 г., секретарь ячейки ВЛКСМ фабрики им. Ленина, г. Клинцы Брянской губернии, 1 год службы в РККА, 1903 г. р., смело управляю автомобилем, слесарь 7-го разряда, взысканий не имею. Хочу пойти в ряды Кантонской Народной Рабочей Армии». На письме имеется резолюция одного из членов ЦК ВКП(б): «Брянскому губкому ВКП(б). Сообщаем для Мешкова С., что в Китай ЦК не посылает» [18, л. 31–32, 58 и др.]. Судя по контексту этого письма, появление таких писем связано с обострением обстановки на Дальнем Востоке, когда правительство Гоминьдана начало репрессии против китайских коммунистов и был совершен налет на советское посольство в Пекине [19, с. 141].

В докладной записке в ЦК ВКП(б) заведующий агитационно-пропагандистским отделом Иваново-Вознесенского губкома ВКП(б) Пестун указывал: «...Настроение молодежи боевое... войны хочет, как и большая часть партийцев: „Кровь застоялась, пора кости размять”. После доклада Луначарского группа рабочих – учеников совпартшколы пришла в губком проситься добровольцами в Китай» [16, л. 65].

Такие особенности ювенальной психологии, как максимализм, импульсивность, категоричность и непримиримость к любым недостаткам, видение мира в черно-белой гамме, воинственность, проявлялись и в отношении молодежи к будущей войне. Молодые рабочие 1920-х гг., особенно члены комсомольской организации, плохо помнили военное время и в течение ряда лет подвергались систематическому воздействию советской пропаганды. В результате критичность мышления и способность к самостоятельному анализу у большинства из них заменялись в силу малообразованности политическими штампами и клише. А.И. Лившин считает, что в конце 1920-х гг. среди молодежи усилились элементы воинственного и левацкого восприятия коммунизма и социализма [20, с. 194]. Для советской молодежи будущая война и победа в ней Советского Союза становились объективной реальностью.

Часть промышленного сообщества демонстрировала явно паническое настроение. Так, сводки ОГПУ свидетельствуют: «В Иваново-Вознесенске значительно увеличилось получение в сберкассе вкладов без особой необходимости. Среди сезонников наблюдались случаи, когда они брали расчет, заявляя: „Начнется война, надо поехать повидаться с родными“. Среди работниц распространяется мнение о необходимости запастись мануфактурой и продовольствием» [14]. Наиболее болезненная и ранняя реакция на слухи о войне характерна для рабочих маленьких городов пограничных территорий и центральных губерний (Москва, Иваново, Тула). Рабочие «с крестьянской психологией» активно закупали в больших объемах предметы первой необходимости — соль, муку, сахар, мыло, чай, спички, керосин, ткань уже в феврале — марте 1927 г. [13, 14]. Такое поведение приводило к параличу снабжения на местах и еще большей панике. Эти группы населения четко маркировались как «антисоветские» или «отсталые» элементы.

По-настоящему пассивно (но не безразлично! — *Н. О.*) к возможной войне относились представители самых разных групп. Чернорабочий завода им. Петровского (Украина) заявлял: «За что я буду воевать, если я работаю чернорабочим и получаю 3 рубля в месяц». Ему вторил рабочий Тульского оружейного завода: «Какое нам дело до Китая, ведь кроме чая мы у них ничего не покупаем, напрасно мы ввязались в их междоусобицу и из-за того поссорились с Англией, а теперь расхлебывай кашу» [15, л. 2, 13; 21, л. 3–5]. Такая пассивность во-многом была выгодна большевикам, так как не создавала препятствий для внедрения новых, социалистических практик и сохранения их власти на производстве.

Наиболее образованные и интеллектуально развитые члены заводского сообщества, активное меньшинство, четко осознавали причины обострения отношений: «Виновником разрыва англо-советских сношений является СССР»;

«В налете на торгпредство виновато наше правительство, которое ведет агитацию за границей»; «Без достаточных оснований Англия не порвала бы с нами». Позиция правительства объяснялась ими так: «Мы войны не начнем, так как не можем из-за нашей слабой техники»; «Наше правительство едва ли устоит» [13, л. 12–15].

Известная неоднородность промышленного сообщества (социальная, национальная, гендерная, образовательная и др.) проявлялась и в оценке международного положения СССР в 1927 г. Рабочие, инженеры, мастера демонстрировали разные мнения, желания и страхи. Советские служащие, инженеры и члены администрации предприятий в большинстве своем проявляли антисоветские и пораженческие настроения, предвещая гибель СССР: «Коммунистам придется воевать на два фронта — с Англией и с крестьянством» (служащие завода «Красный треугольник» в Ленинграде) [15, л. 10–13].

К рубежу 1927–1928 гг. массовое сознание промышленного сообщества в целом было готово к войне. Рабочие, даже если и были уверены в поражении в будущей войне, в основном поддерживали власть. Кроме того, в рабочей среде перед лицом возможного военного конфликта усилились интеграционные процессы и «вождистские настроения», известная тяга к «сильной руке», чтобы предотвратить поражение. Сводки ОГПУ свидетельствуют, что даже «отъявленные бузотеры» одни из первых отчисляли деньги на нужды военной промышленности и выказывали стремление вступить в партию. Это было услышано властью. Определенные призывы «снизу» к ужесточению политики, новой волне «красного террора» и обратному перерождению ОГПУ в ВЧК были восприняты как сигналы к окончательному сворачиванию нэпа и переходу к форсированной индустриализации. Сконструированная «сверху» «военная тревога» 1927 г. стала одним из методов достижения индустриального консенсуса, т. е. осознания в промышленном сообществе необходимости модернизации страны.



СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Голубев А.В.** «Придут из Китая англичане...»: советское общество и военные тревоги 1920-х гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 18. С. 42–57.
2. **Голубев А.В.** Советское общество и «военные тревоги» 1920-х годов // Отечественная история. 2008. № 1. С. 36–58.
3. **Нежинский Л.Н.** В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М.: Наука, 2004. 323 с.
4. **Измозик В., Старков Б., Павлов Б., Рудник С.** Подлинная история РСДРП – РКП(б) – ВКП(б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб.: Питер, 2010. 496 с.
5. **Симонов Н.С.** «Крепить оборону страны Советов» («Военная тревога» 1927 г. и ее последствия // Отечественная история. 1996. № 3. С. 155–161.
6. **Смирнов Ю.Ф.** Сводки ОГПУ 1920-х гг. по Тульской губернии как источник для изучения положения рабочих // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5. С. 42–46.
7. **Комсомольская правда.** 1927. 9 марта.
8. **Протокол** очередного заседания представителей московской прессы совместно с представителями НКВД от 08.03.1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-8302. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–14.
9. **Голубев А.В.** «Если мир обрушится на нашу республику...». М.: Кучково поле, 2008. 384 с.
10. **Майский И.М.** Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. Ташкент: Узбекистан, 1980. 672 с.
11. **Соколов А.К.** «Особое напряжение»: кадры советского Военпрома в конце 1920 – начале 1930-х гг. // Социальная история. М., 2007. С. 219–256.
12. **Симонов Н.С.** Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.
13. **Обзор** политического состояния СССР за февраль 1927 г. (по данным ОГПУ) // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922–1934. М., 2004. 1927. URL: <http://istmat.info/node/25626> (дата обращения: 25.09.2014).
14. **Обзор** политического состояния СССР за май 1927 г. (по данным ОГПУ) // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922–1934. М., 2004. 1927. URL: <http://istmat.info/node/25639> (дата обращения: 25.09.2014).
15. **Докладная** записка о реагировании различных слоев населения СССР на опасность войны (по материалам ИНФО ОГПУ) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 289. Л. 2–15.
16. **Докладная** записка об отношении трудящихся Иваново-Вознесенской губернии к современному международному положению СССР // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 826. Л. 63–65.
17. **Информационное** сообщение о собрании коллектива ВКП(б) «Электроаппарат» от 20.10.1927 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 8. Д. 8517.
18. **Письма** в ЦК ВКП(б) и Коминтерн // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 517.
19. **Ватлин А.Ю.** Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН, 2009. 374 с.
20. **Лившин А.И.** «Военная тревога» 1927 года и общественные настроения в Советском Союзе // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. 50. Июнь 2015 г. С. 190–206.
21. **Информационная** сводка № 40 от 18.05.1927 г. // ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 27. Д. 1215.

ОФИЦЕРОВА Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: oficernv@mail.ru

N.V. Ofitserova

INDUSTRIAL COMMUNITY AND A "WAR ALERT" IN 1927

In work the analysis of foreign policies of transition to a policy of forced industrialization in the late 1920s. On the basis of the materials of periodical press and state news briefs national security discusses the formation of the industrial relations community to the international policy of the Soviet Union. Analyzes the specifics of publications on world politics, which designed the image of enemy and friend. Identify the major opponents of the Soviet Union. The following features of the politicization of industrial space as the wide spreading of rumors caused by Soviet propaganda, the influence of foreign policy on the behavior of workers and employees. Analyzes interest groups within the industrial community on the criteria in relation to military alert 1927 concluded that certain industrial consensus between the government and industrial community, necessary for implementation of the Soviet industrial political project.

INDUSTRIAL COMMUNITY; THE GOVERNMENT; THE MILITARY ANXIETY 1927; AN INDUSTRIAL CONSENSUS OF SOVIET INDUSTRIAL POLICY PROJECT; FOREIGN POLICY; HEARINGS.

REFERENCES

1. Golubev A.V. ["Will come from China by the British...": Soviet society and military anxieties of the 1920s]. *Problems of history, philology and culture*, 2007, no. 18, pp. 42–57. (In Russ.)
2. Golubev A.V. [Soviet society and "war alarm" 1920s]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian history], 2008, no. 1, pp. 36–58. (In Russ.)
3. Nezhinskiy L.N. *V interesakh naroda ili vopreki im? Sovetskaya mezhdunarodnaya politika v 1917–1933 godakh* [In the interests of the people or in spite of them? Soviet international policy in the years 1917–1933]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 323 p. (In Russ.)
4. Izmozik V., Starkov B., Pavlov B., Rudnik S. *Podlinnaya istoriya RSDRP – RKP(b) – VKP(b). Kratkiy kurs. Bez umolchaniy i falsifikatsiy* [The true story of the RSDRP – RKP(b) – VKP(b). Short course. Without defaults and fraud]. St. Petersburg, Piter Publ., 2010. 496 p. (In Russ.)
5. Simonov N.S. ["To strengthen the defense of the country" ("war alert" in 1927 and its consequences)]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian history], 1996, no. 3, pp. 155–161. (In Russ.)
6. Smirnov Yu.F. [Reports of the OGPU of the 1920s in the province of Tula as a source to study the situation of workers]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought], 2011, no. 5, pp. 42–46. (In Russ.)
7. Komsomol'skaya pravda. 1927. Mar. 9. (In Russ.)
8. State archive of the Russian Federation. F. R-8302. Op. 1. D. 1. L. 10–14.
9. Golubev A.V. "Yesli mir obrushitsya na nashu respubliku..." ["If the world will descend on our Re-public..."]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2008. 384 p. (In Russ.)
10. Mayskiy I.M. *Vospominaniya sovetskogo diplomata, 1925–1945 gg.* [Memoirs of a Soviet diplomat, 1925–1945]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1980. 672 p. (In Russ.)
11. Sokolov A.K. ["Special voltage": Footage of the Soviet Military in the late 1920 – early 1930s]. [Social history]. Yearbook. 2007. Pp. 219–256. (In Russ.)
12. Simonov N.S. *Voyenno-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-ye gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravleniye* [The military-industrial complex of the USSR in the 1920–1950s years: economic growth, structure, organization of production and management]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 336 p. (In Russ.)
13. Obzor politicheskogo sostoyaniya SSSR za fevral' 1927 g. "Sovershenno sekretno": *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane. 1922–1934. 1927* ["Sovershenno Sekretno": Lubyanka to Stalin on the situation in the country. 1922–1934. 1927]. Available at: <http://istmat.info/node/25626> (accessed 25.09.2014).
14. Obzor politicheskogo sostoyaniya SSSR za may 1927 g. "Sovershenno sekretno": *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane. 1922–1934. 1927* ["Sovershenno Sekretno": Lubyanka to Stalin on the situation in the country. 1922–1934. 1927]. Available at: <http://istmat.info/node/25639> (accessed 25.09.2014).
15. Russian state archive of socio-political history. F. 17. Op. 85. D. 289. L. 2–15.
16. Russian state archive of socio-political history. F. 17. Op. 60. D. 826. L. 63–65.



17. Central state archive of historical-political documents of St. Petersburg. F. 16. Op. 8. D. 8517.
18. Russian state archive of socio-political history. F. 17. Op. 85. D. 517.
19. Vatlin A.Yu. *Komintern: idei, resheniya, sud'by* [The Comintern: Ideas, decisions, destiny]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 374 p. (In Russ.)
20. Livshin A.I. ["Military alarm" in 1927 and the public mood in the Soviet Union]. [*Public administration. Electronic Bulletin*], 2015, no. 50, pp. 190–206. (In Russ.)
21. State archive of the Russian Federation. F. R-374. Op. 27. D. 1215.

OFITSEROVA Natalya V. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: oficernv@mail.ru